

М.В. Сыропятова (Иванова)*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА МЕСТНЫХ ВЫБОРАХ В РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются социальные факторы активности избирателей на муниципальных выборах в России. Методом линейной регрессии подтверждается влияние на активность избирателей таких факторов, как уровень урбанизации, этнической мобилизации и протестного голосования; при этом не выявлено связи с уровнем экономического развития муниципалитета и доли представителей бюджетной сферы. Не подтверждается также значимость мобилизации представителей «бюджетной сферы» – врачей и учителей. Отмечается, что массовое политическое сознание на муниципальном уровне содержит в себе как демократические, так и авторитарные черты.

Ключевые слова: явка; муниципальные выборы; электоральное поведение; избиратели; мобилизация.

M.V. Syropyatova (Ivanova)

Social factors of electoral behavior in the local elections in Russia

Abstract. The article analyses social factors of electoral behavior at the municipal elections in Russia. On the basis of linear regression, it is stated that determinants of the electoral behavior are urbanization, the ethnic mobilization and the protest activity; there are no relationship between the electoral behavior and the economic development as well as a percent of doctors and teaching staff. The mass political consciousness on

* **Сыропятова (Иванова) Мария Вячеславовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Социально-гуманитарного факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь), e-mail: mariaivanova2008@gmail.com, mv_ivanova@hse.ru

Сыропятова (Иванова) Мария, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russia), e-mail: mariaivanova2008@gmail.com, mv_ivanova@hse.ru

the municipal level appears as a complex phenomenon that includes both democratic and autocratic features.

Keywords: turnout; municipal elections; electoral behavior; voters; electoral mobilization.

По окончании думской кампании 2016 г. в адрес власти были выдвинуты обвинения в сознательной «сушке явки», т.е. одновременной мобилизации «лояльного» электората и минимизации стимулов к явке для сторонников оппозиции. В частности, утверждалось, что высокий результат для «партии власти» был обеспечен переносом дня голосования на конец «дачного» сезона, когда горожане предпочитают проводить выходной за городом, а на избирательные участки приходят в основном люди старшего поколения, которые могут выехать за город и в будний день. Сторонников оппозиции в свою очередь традиционно обвиняют в неспособности привести на избирательные участки «свой» электорат. Этим, как правило, объясняют низкие показатели активности избирателей на выборах-2016.

В данном исследовании предполагается выяснить, какие социальные факторы воздействуют на явку избирателей в России. С точки зрения модели принципал-агента, правящая группа заинтересована в контроле за действиями политических акторов более низкого уровня [Miller, 2005, p. 219]. Последние, в свою очередь, склонны действовать по формуле «сокращения издержек» [Golosov, 2013, p. 84]. При этом в автократиях у правящих групп невысоко качество экспертизы – и чем ниже уровень выборов, а следовательно и их значимость, тем это качество ниже. Поэтому самый широкий спектр факторов, влияющих на мобилизацию избирателей, проявляется именно на муниципальных выборах. Эти факторы могут быть связаны со стимулами, поступающими от правящей группы, а могут и никак не зависеть от нее. В частности, могут быть связаны с особенностями поведения избирателей или их отдельных категорий в ходе голосования.

Считается, что правящая группа способна управлять факторами, воздействующими на поведение социальных групп. Эти факторы могут быть связаны с социальными размежеваниями [Lipset, Rokkan, 1967, p. 63], которые способны по-разному проявлять себя в зависимости от времени и места, а также от эффектов избирательной системы [Коргунюк, 2015, с. 123]. Поскольку в

России разрыв между федеральной и региональными политическими повестками препятствует формированию устойчивых электоральных размежеваний [Ковин, Подвинцев, 2015, с. 237], это также оставляет элитам определенную свободу маневра.

В режимах с доминирующей партией выборы всех уровней – от национального до муниципального – тесно связаны друг с другом [Magaloni, 2008, p. 6]. Избирательные кампании, мобилизуя избирателей, служат цели стабилизации политического режима [Hale, 2005, p. 159; Magaloni, 2008, p. 6; Local elections... 2016, p. 689]. При этом считается, что именно на муниципальном уровне наиболее широки возможности мобилизации электората в пользу оппозиционных партий [Magaloni, 2008, p. 8].

Встраивание электоральных машин муниципальных и региональных политиков в систему «правящей» партии выгодно и российским федеральным элитам [Local elections... 2016, p. 689]. Считается, что вступление кандидатов в «партию власти» обусловлено прежде всего институциональными факторами [Smyth, Lowry, Wilkening, 2007, p. 124; Golosov, 2013, p. 84–85]. Во-первых, значительная часть регионов и муниципалитетов зависит от финансовых поступлений из федерального центра. Это обусловлено несоответствием между функциями, которые они вынуждены исполнять, и долей налоговых поступлений, остающихся в их бюджете. Во-вторых, лоббистский потенциал регионов и муниципалитетов зависит от их представительства на более высоком уровне иерархии [Sharafutdinova, Turovsky, 2016, p. 12], и такое представительство способна гарантировать только правящая партия – особенно с учетом того, что на выборах в Госдуму по пропорциональной системе каждый партийный список должен быть разбит как минимум на 70 территориальных групп. В-третьих, считается, что совмещение дня голосования на местных и федеральных выборах повышает уровень поддержки кандидатов от «Единой России» даже в случае популярности на местных выборах кандидатов от оппозиции. Это побуждает местных политиков встраивать свои электоральные машины в «правящую» партию, в том числе и на выборах более высокого уровня.

Основная задача данного исследования – выявить социальные факторы, обуславливающие активность избирателей на муниципальных выборах в России, и ответить на вопрос, какие именно факторы влияют на мобилизацию избирателей на конкретной тер-

ритории, от чего зависит активность избирателей на муниципальных выборах и какие именно категории избирателей решают их исход. Муниципальные выборы в России – достаточно сложный феномен, по поводу которого нельзя точно сказать, в какой степени они контролируются сверху, вызвана ли активность на них избирателей использованием административного ресурса или речь идет о влиянии социальных факторов.

Исследовательские гипотезы

Российские муниципальные выборы реже, чем региональные, становятся объектом внимания исследователей. Во-первых, данные по муниципальным выборам многочисленны, и их обработка требует методов статистического анализа. Во-вторых, эти выборы кажутся исследователям не столь важными по сравнению с региональными или федеральными, притом что многие авторы убедительно доказывают: именно на местных выборах раньше всего начинают давать о себе знать факторы деградации авторитарного режима [Lankina, Libman, Obydenkova, 2016, p. 1629; Gel'man, Lankina, 2008, p. 60].

Если исходить из того, что электоральную базу авторитарных режимов составляют люди с низким уровнем достатка [Magaloni, 2008, p. 6], логично обратить внимание на муниципалитеты с менее развитой экономикой и соответственно более высокой безработицей.

Таким образом, гипотезу № 1 можно сформулировать следующим образом: в муниципалитетах с более высоким уровнем безработицы должна быть и более высокая явка.

Российским выборам всех уровней свойственна сильная корреляция между явкой и поддержкой «Единой России» [Шпилькин, 2011, с. 4; Field experiment... 2013, p. 452]. Подобные отклонения принято объяснять территориальными различиями, в том числе между городом и селом [Чуров, Арлазаров, Соловьев, 2008, с. 20]. В частности, с уровнем урбанизации связаны территориальные различия в голосовании за власть и оппозицию [Clem, Craumer, 2002, p. 4]. Взяв в качестве независимой переменной уровень урбанизации, можно проверить, влияет ли этот фактор на ак-

тивность избирателей. Традиционно уровень урбанизации измеряется через процент сельского населения в муниципалитете.

Соответственно, гипотеза № 2 сформулирована следующим образом: в муниципалитетах с большей долей сельского населения явка должна быть выше.

Опорой авторитарных режимов являются также люди с низкими доходами, зависящие от государства [Magaloni 2008, p. 8]. Такими в России могут считаться работники бюджетной сферы, в частности системы здравоохранения и образования. Считается, что их достаточно легко мобилизовать для участия в выборах. Наблюдатели неоднократно сообщали о привлечении представителей «бюджетной сферы» к агитации в пользу «партии власти» [Краткий аналитический доклад... 2008, с. 28]. Кроме того, именно из них, как правило, формируются составы участковых избирательных комиссий [Шлейнов, 2013]. Существуют ли эмпирические подтверждения связи между долей «бюджетников» и явкой на выборах?

Соответственно, гипотеза № 3 сформулирована следующим образом: явка должна быть выше в муниципалитетах с более высокой долей врачей и учителей среди населения.

Считается также, что более высокая явка свойственна консолидированным политическим режимам в этнических республиках. Данное предположение неоднократно подтверждалось с помощью описательных статистических методик на региональном и федеральном уровнях [Краткий аналитический доклад... 2008, с. 40]. Что касается муниципального уровня, то здесь также имеются доказательства того, что система простого большинства способствует мобилизации этнических групп [Goodnow, Moser, 2012, p. 188]. На материале муниципальных выборов начала 2000-х годов обнаружена статистически значимая связь между активностью избирателей и долей русского населения – эта связь наиболее сильна в этнических республиках [Saikkonen, 2015, p. 19].

Соответственно, гипотеза № 4 звучит следующим образом: в муниципалитетах с меньшей долей русского населения явка должна быть выше.

В последние годы в публицистике распространено мнение, что использование в предвыборной агитации «негативных» образов и ведение кампаний против отдельных кандидатов понижают интерес избирателей к выборам. Протестные настроения, в свою

очередь, способны породить рост числа недействительных бюллетеней на муниципальных выборах.

Таким образом, гипотеза № 5 сформулирована так: явка должна быть выше в муниципалитетах с более низким уровнем протестного голосования.

Данные. Метод. Анализ

Сформулированные выше гипотезы были протестированы на специально собранной базе данных. В качестве единицы анализа выступили выборы в представительные органы власти городских округов или муниципальных районов в 2010–2015 гг. Методом случайного отбора была сформирована выборка из 147 случаев. Явка измерялась средними показателями в избирательных округах. Данные взяты с официальных сайтов ЦИК РФ¹ и Росстата².

Таблица 1

Описательные статистики для выборов в представительные органы власти городских округов и муниципальных районов в 2010–2015 гг., 147 случаев

	Среднее значение, %	Стандартное отклонение
Явка	51,18	19,19
Недействительные бюллетени	3,75	2,06
Русские	73,69	32,96
Уровень безработицы	4,62	3,22
Сотрудники системы образования	3,93	1,61
Сотрудники системы здравоохранения	2,79	1,12
Сельское население	55,63	37,93

В табл. 2 приведены значения beta-коэффициентов переменных регрессионных моделей, построенных на основаниях полученных данных, в скобках даны показатели значимости независимых переменных.

¹ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cikrf.ru/>

² Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Таблица 2

Социальные факторы на российских муниципальных выборах в представительные органы власти в 2010–2015 гг.

	Модель № 1	Модель № 2	Модель № 3	Модель № 4	Модель № 5
Уровень безработицы	0,255 (0,541)	–	–	0,297 (0,467)	–
Сельское население	0,112 (0,003)	0,116 (0,002)	0,106 (0,002)	0,101 (0,004)	0,104 (0,003)
Сотрудники системы образования	–0,713 (0,461)	–0,833 (0,378)	–	–	–
Сотрудники системы здравоохранения	1,557 (0,213)	1,592 (0,202)	1,104 (0,322)	–	–
Русские	–0,272 (0,003)	–0,280 (0,000)	–0,267 (0,000)	–0,258 (0,000)	–0,264 (0,000)
Недействительные бюллетени	–2,073 (0,001)	–2,115 (0,001)	–2,139 (0,001)	–2,127 (0,001)	–2,179 (0,001)
R-squared	0,41	0,41	0,41	0,41	0,40
P-value	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

В первую модель вошли все индикаторы: уровень безработицы, доля сельского населения, доля врачей и учителей, доля русских и доля недействительных бюллетеней (все данные – в процентах). Затем пошагово исключались переменные, не удовлетворявшие критерию значимости. Последняя, пятая, модель содержит только индикаторы, демонстрирующие приемлемый уровень значимости. В этой модели статистически значимыми оказались три предиктора: доля сельского населения, доля русских и доля недействительных бюллетеней. Отрицательные значения beta-коэффициентов у доли русских и доли недействительных бюллетеней свидетельствует об обратном характере связи: чем больше доля русских, тем ниже явка; чем больше процент недействительных бюллетеней, тем больше явка. Положительное значение beta-коэффициента для доли сельского населения говорит о том, что этот показатель напрямую связан с явкой на выборах. Объяснительная сила модели составляет 40% – это означает, что независимые переменные на 40% объясняют дисперсию зависимой переменной – явки. Модель выдержала проверки на гомоскедастичность, робастность и мультиколлинерность.

Таким образом, анализ показал, что на активность избирателей на муниципальных выборах оказывают влияние уровень урбанизации, уровень протестного голосования и фактор этнической мобилизации. Можно сделать вывод о том, что в России, манипулируя условиями проведения выборов, возможно влиять на активность городского избирателя – в частности, путем организации «негативных» кампаний, которые влекут за собой снижение активности избирателей, способных поддержать оппозицию. С другой стороны, электоральная мобилизация селян и национальных групп помогает обеспечить нужный процент голосов за «Единую Россию». Таким образом, можно прийти к выводу, что использование манипуляционных технологий со стороны власти предполагает учет социальных факторов, влияющих на массовое сознание россиян.

Вместе с тем не подтвердились гипотезы о мобилизации работников системы образования и здравоохранения, а также о более активном голосовании социально незащищенных групп. Это в свою очередь опровергает предположение о полностью управляемом характере муниципальных выборов в России. Правильнее будет сказать, что эти выборы носят сложный характер и мобилизация избирателей происходит с учетом особенностей поведения социальных категорий. В частности, манипулирование датой проведения единого дня голосования и «негативный» характер агитационных кампаний могут вызывать снижение явки среди городского населения.

Заключение

Характер мобилизации избирателей на муниципальном уровне в России имеет как авторитарные, так и «демократические» черты.

Правящие группы всегда стремятся к контролю над выборами, но на муниципальном уровне местные условия не позволяют добиться этого в полной мере. Тем не менее существуют способы влиять на результаты голосования, используя знания об особенностях поведения различных категорий избирателей – в частности, стимулируя снижение явки городских жителей среднего и молодого возраста, которые скорее проголосуют против «партии власти».

Кроме того, эмпирически установлено, что в районах с меньшей долей русского населения легче фальсифицировать процедуры и результаты голосования. Следовательно, расчет может делаться и на это, равно как и на то, что негативные кампании против партий и отдельных кандидатов отталкивают от участия в выборах протестно настроенных избирателей. Все это создает условия для влияния правящих элит на массовое политическое сознание и поведение избирателей.

Список литературы

- Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. – 229 с.
- Коргунюк Ю.Г.* Национальное и локальное измерения выборов в органы законодательной власти по пропорциональной системе (на примере выборов 4 декабря 2011 года) // Политэкс. – СПб., 2015. – № 1. – С. 108–123.
- Ковин В.С., Подвинцев О.Б.* Формальные и неформальные партии в Пермском крае: Спрос и предложение // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 1. – С. 218–239.
- Краткий аналитический доклад об избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы пятого созыва. – М.: Национальный центр мониторинга демократических процедур, 2008. – 48 с. – Режим доступа: <http://www.vibory.ru/elects/brief-GD.pdf> (Дата посещения: 12.09.2016.)
- Чуров В.Е., Арлазаров В.Л., Соловьев А.В.* Итоги выборов. Анализ электоральных предпочтений // Труды института системного анализа Российской академии наук. Сборник: Математика и управление. – М.: 2008. – Т. 38 – Режим доступа: <http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2008-38/6-22.pdf> (Дата посещения: 15.09.2016.)
- Шлейнов Р.* Кто входит в участковые избирательные комиссии Москвы // Ведомости. – М., 2013. – 8 апреля. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/04/08/esli_by_ne_falsifikatory_vyboru_by_ne_sostoyalis (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Штилькин С.* Математика Выборов – 2011 // Троицкий вариант. – М., 2011. – 20 декабря, № 94. – С. 2–4. – Режим доступа: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011/> (Дата посещения: 10.09.2016.)
- Clem R., Craumer P.* Urban and rural effects on party preference in Russia: New evidence from the recent duma election // Post-Soviet geography and economics. – Palm Beach, FL, 2002. – Vol. 43 – P. 1–12.
- Field experiment estimate of electoral fraud in Russian parliamentary elections / Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – Washington, D.C., 2013. – Vol. 110. – P. 448–452.

- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D.* Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace // *World politics*. – Cambridge, 2014. – Vol. 66. – P. 195–228.
- Gel'man V., Lankina T.* Authoritarian versus democratic diffusions: Explaining institutional choices in Russia's local government // *Post-Soviet affairs*. – Silver Spring, MD, 2008. – Vol. 24. – P. 40–62.
- Golosov G.V.* Proportional representation and authoritarianism: evidence from Russia's regional election law reform // *Representation*. – N.Y., 2013. – Vol. 49. – P. 83–95.
- Goodnow R., Moser R.G.* Layers of ethnicity the effects of ethnic federalism, majority-minority districts, and minority concentration on the electoral success of ethnic minorities in Russia // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2012. – Vol. 45. – P. 167–193.
- Hale H.E.* Why not parties? Electoral markets, party substitutes, and stalled democratization in Russia // *Comparative politics*. – Chicago, Ill., 2005. – Vol. 37. – P. 147–166.
- Lankina T., Libman A., Obydenkova A.* Authoritarian and democratic diffusion in post-communist regions // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 49. – P. 1599–1629.
- Lipset S., Rokkan S.* Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. – N.Y.: Free press, 1967–586 p.
- Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections / Reuter O., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 2016. – Vol. 49. – P. 662–697.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge, MA; N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 316 p.
- Saikkonen I.A.-L.* Electoral mobilization and authoritarian elections: Evidence from post-Soviet Russia // *Government and opposition*. – L., 2015. – P. 1–24. – Mode of access: <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20> (Дата посещения: 14.11.2016.)
- Smyth R., Lowry A., Wilkening B.* Engineering victory: Institutional reform, informal institutions, and the formation of a hegemonic party regime in the Russian Federation // *Post-Soviet affairs*. – Silver Spring, MD, 2007. – Vol. 23. – P. 118–137.